DOI: 10.17117/na.2015.09.1540

Поступила (Received): 28.09.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.09.1540.pdf>

Матвеева О.Н., Глушкова О.В., Голубцова Н.В. Пунктуация ранней лирики А. Ахматовой

Matveeva O.N., Glushkova O. V., Golubtsova N.V.
Punctuation of early lyrics of Anna Akhmatova

В статье рассматриваются некоторые особенности пунктуации ранней лирики А. Ахматовой (до 1925 года). Наиболее показательными знаками для синтаксиса Ахматовой являются точка, тире, многоточие, которые она мастерски использует в своих стихах. Постановка этих знаков поэтом в стихах меняет акценты в строке и фразе

Ключевые слова: А. Ахматова, пунктуация, точка, многоточие, тире

The article focuses on some punctuation features of early lyrics of Anna Akhmatova (until 1925). The most significant punctuation marks for Akhmatova's syntax are dots, a full stop and a dash. Their use changes the emphasis in the phrase and line of verse. Anna Akhmatova used skillfully these punctuation marks

Key words: Anna Akhmatova, punctuation, full stop, dash, dots

Матвеева Ольга Николаевна

Преподаватель

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
г. Воронеж, ул. Студенческая, 10

Matveeva Olga Nikolaevna

Teacher

Voronezh state medical university named N.N. Burdenko
Voronezh, Studencheskaya str., 10

Глушкова Оксана Владимировна

Преподаватель

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
г. Воронеж, ул. Студенческая, 10

Glushkova Oksana Vladimirovna

Teacher

Voronezh state medical university named N.N. Burdenko
Voronezh, Studencheskaya str., 10

Голубцова Надежда Васильевна

Преподаватель

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
г. Воронеж, ул. Студенческая, 10

Golubtsova Nadezhda Vasilievna

Teacher

Voronezh state medical university named N.N. Burdenko
Voronezh, Studencheskaya str., 10

Пунктуационный анализ произведений отдельного автора, как правило, сводится к иллюстрированию своеобразия в употреблении знаков. Нерегламентированная пунктуация связывается с авторской индивидуальностью. Знаки Ахматовой подчинены нормативным правилам, но поэт умеет их так расставить, что обычный нормативный знак заиграет особыми красками – разрушит ритмическую плавность, остановит внимание, – поразит своей неожиданностью.

Пунктуационное своеобразие Ахматовой складывается не из суммы по правилам употребленных знаков, а в результате разрывов строки, интонационных перебоев и срывов. Все это фиксируется знаками.

В этом смысле показательны точки Ахматовой. Характерна, например, точка, разрывающая строку. Чаще это начало строфы:

Я счастлива. Но мне всего милей

Лесная и пологая дорога

[1, с. 94]

Морозное солнце. С парада

Идут и идут войска.

[1, с. 108]

Точки, дробящие начальную строку, мгновенно обрывают не успевшую еще подняться интонацию стиха. Строка лишилась цельности звучания, а интонация приблизилась к разговорной речи, подчеркнув непосредственность и ненарочитость описания состояния героини.

Иной эмоциональный заряд несет в себе разрыв строки в середине стиха, когда он резко обрывает ровное, повествовательно начавшееся описание. Точка здесь не только не снимает напряжения, а напротив – нагнетает его:

Чернеет дорога приморского сада,

Желты и свежи фонари.

Я очень спокойная. Только не надо

Со мною о нем говорить.

[1, с. 86]

Строку « я очень спокойная. Только не надо...» можно прочесть и воспринять двояко: интонационно напряжено перед точкой, и тогда смысл предстанет предельно обнаженным – спокойствия нет и не может быть; другой вариант более сложный – с интонацией конца предложения, которая подчеркнет прямое, буквальное значение слова спокойная, и тогда общий смысл фразы будет воспринят как навязчивое, самой себе внушаемое желание героини приобрести это состояние вопреки реально сложившейся ситуации. Точка, нормативно фиксирующая конец предложения, может передать паузу разного эмоционального содержания.

В том же стилистическом ключе воспринимается разрыв строки в конце ее, когда точка помещается перед последним словом – началом новой фразы. Такое членение дает эффект интонационного взлета, который резко сменяется во второй строке:

Бессмертник сух и розов. Облака

На свежем небе вылеплены грубо.

[1, с. 94]

Так холодно в поле. Унылы

У моря груды камней.

[1, с. 32]

Ахматова подчиняет ритмико-интонационное членение стиха своему конкретному замыслу, настроению. Прерывистая, дробленая строка сообщает стиху энергию выражения, ощущение сжатости построения фразы, хотя, как

правило, Ахматовой не свойственна синтаксическая компрессия в результате пропусков слов. Она достигает впечатления спрессованности речи иными способами. Это прежде всего разное расположение в строке точек.

Наибольшая резкость свойственна перебоям во второй строке, когда последнее слово первой фразы не «умещаются» здесь – перенос его на следующую строку удваивает смысловую нагрузку слова. Значение таких акцентно выделенных слов обнажается до предела, до вещной зримости:

В мою торжественную ночь

Не приходи. Тебя не знаю.

[1, с. 47]

Безвольно пощады просят

Глаза. Что мне делать с ними.

[1, с. 50]

Пристрастие Ахматовой к дробленной строке, к излюбленному приему достигает своего виртуозного воплощения в следующих стихах, где поэт завершает строку перенесенным из предыдущей фразы словом. Оборванная строка обостряет, подчеркивает предыдущее, а выделенное слово снабжается такой энергией, что обрастает добавочным, очень большим, сфокусированным здесь смыслом – сначала настороженность, затем встревоженность и, наконец, уже холодное ощущение обреченности:

Память о солнце в сердце слабеет.

Желтей трава.

Ветер снежинками ранними веет

Едва-едва.

...

Ива на небе пустом распластала

Веер сквозной.

Может быть лучше, что я не стала

Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.

Что это? Тьма?

Может быть!.. За ночь прийти успеет

Зима.

[1, с. 28]

Так Ахматова восстанавливает силу слова в стихе, его содержательную сущность, т.е. то, что свойственно слову в живой, реальной речи. Если вспомнить то время, когда начинала Ахматова, те искания и преобразования, которые были свойственны поэтической мысли начала века, то еще значительным и плодотворным покажется ее творчество – она вернула слову его живую душу, его сущность, тогда как символисты, скажем, увлекались, лишь его звуковой оболочкой, оставляя смысл затемненным, туманным. Музыкальность звучания заслоняла для них поиски свежего значения, наполненности смыслом. Слова Ахматовой, выстроенные в краткие, но полные, ясные по своему составу фразы, обретают рельефность, смысловую весомость и конкретность. Они звучат первозданно и поэтому производят впечатление неопозитивированной обы-

денности. Они лишены символической усложненности и мистических ассоциаций. Короткие, между точками, фразы помогают сделать речь естественной, непринужденной и одновременно сдержанной и обдуманной. Прозрачность и ясность ахматовских фраз – это в какой-то степени реакция на символизм; ее духовная обнаженность, обыденность – это эстетическая позиция.

Я пришла к поту в гости.

Ровно в полдень. Воскресенье.

[1, с. 72]

Ахматова, конечно, пользуется всеми знаками. Исключением являются у нее скобки, что объяснимо опять-таки лаконизмом и прозрачностью фраз. Как и точка, все другие знаки тоже нормативны, хотя в некоторых случаях они употребляются несколько сгущено и нарочито подобранно, с целью активизировать ритмику стиха.

Тире, как правило, Ахматова использует в тех случаях, когда она не может выразить свои эмоции, что проявляется в свою очередь в пропуске члена предложения, который легко восстанавливается по контексту:

Сегодня я с утра молчу.

А сердце – пополам.

[1, с. 23]

Бывало, я с утра молчу

О том, что сон мне пел.

Румяной розе и лучу

И мне – один удел.

[1, с. 142]

И, наконец, многоточие. Оно употребляется с размахом, активно, ярко, словно помогая растянуть предельно сжатый стих, за эскизными набросками угадать нечто исчезающее и тревожащее. С помощью многоточия передается взволнованность и переживания героини. Оно может обозначать паузу, полную переживания и глубокого смысла:

Я спросила у кукушки,

Сколько лет я проживу...

Сосен дрогнули верхушки,

Желтый луч упал в траву.

Но ни звука в чаще свежей...

[1, с. 132]

Многоточие может передавать также неожиданные переходы к новой теме, резкие смены повествования:

Круг от лампы желтой...

Шорохам внимаю.

Отчего ушел я не понимаю?

Я не понимаю.

[1, с. 30]

Многоточие может и открыть повествование, начав его как бы с середины, указав на скрытый, предшествующий контекст. Этому в значительной сте-

пени помогает союз и, связывая нечто незримое и ускользающее с тем, что реально ощутимо:

...И на ступеньки встретить
Не вышли с фонарем.
В неверном лунном свете
Вошла я в тихий дом.
[1, с. 49]

Как видим, понимание Ахматовой роли пунктуации находится в полном соответствии с ее общим художественным методом: как строга она в обращении с поэтическим словом, освобождая его от гипнотической власти символики и возвращая его живому речевому употреблению, так скупа она и на субъективные вольности в использовании знаков. Ориентация на разговорные интонации и акценты, умение уловить и показать различную силу этих акцентов позволяют Ахматовой, без насилия над правилами, достичь максимальной выразительности речи и тем самым укрепить практику употребления знаков, обогатив ее заново выявленными возможностями. Ее знаки, традиционные с точки зрения синтаксиса, оригинальны в другом смысле – они помогают поэту резко изменить отношения между поэтической строкой и фразой, сменить акценты в строке и фразе.

Список используемых источников:

1. Ахматова А.А. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М.: Цитадель, 1996. 447 с.

© 2015, Матвеева О.Н., Глушкова О.В.,
Голубцова Н.В.
Пунктуация ранней лирики А. Ахматовой

© 2015, Matveeva O.N., Glushkova O. V.,
Golubtsova N.V.
Punctuation of early lyrics of Anna Akhmatova